

В. Г. Белинский

История Малороссии. Николая Маркевича

Виссарион Григорьевич Белинский

История Малороссии.

Николая Маркевича

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806475

Аннотация

Выход в свет исторического труда Н. А. Маркевича послужил причиной довольно бурной полемики. «История Малороссии» не была самостоятельным сочинением в полном смысле слова. В ее основу была положена «История руссов, или Малой России» Г. А. Полетики. Белинский оставил в стороне эту полемику, в которой с обеих сторон были сильны сугубо националистические мотивы. На этот раз центром внимания Белинского становится историческая наука и произошедшие в ней качественные изменения. В сближении истории с искусством Белинский видит знаменательное явление времени, в результате которого история «получает то же значение, какое у древних имел эпос», а в литературе возникает «нового рода поэзия» — исторический роман.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Виссарион Григорьевич Белинский История Малороссии. Николая Маркевича

Москва. 1842. Четыре тома⁽¹⁾.

Одна из самых характеристических черт нашего времени – стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь очевидно стремится теперь стать единою и всецелою. И если доселе проявлялась она в тысячах односторонностей, разъединенною и раздробленною на бесконечное множество сторон, из которых каждая претендовала на право исключительной монополии в области духа, превозносясь над всеми другими и горделиво не признавая их важности, – это противоположное органическому единству стремление было необходимо для самого же этого органического единства, заря которого уже занимается на горизонте человечества. Надобно было, чтоб каждый элемент умственной жизни выработался и развился вполне, а для этого необходимо, чтобы каждый элемент жизни развился отдельно. Таким образом, разъединение есть неизбежное условие единства – первый момент в процессе единства. Только отдельно развившиеся элементы

могли развиваться вполне, и только вполне развившиеся элементы могли сознать свое родство и увидеть в себе не опасных врагов, а друзей, равно нуждающихся друг в друге и равно полезных друг другу. Доказательство этой истины представляет история народов, история обществ, летописи науки, искусства, даже ремесл. Каждому народу предназначено было развить одну какую-нибудь сторону жизни, и потому один народ оказал огромные успехи в войне, другой – в науке, третий – в искусстве, четвертый – в торговле и т. д. И каждый из этих народов, до периода своей возмужалости, с ненавистью и презрением смотрит на все другие народы, считая одного себя и умным, и добрым, и дельным. Отсюда все национальные ненависти, отсюда соперничество, похожее на злобу, соревнование, похожее на зависть. Так, например, целые три века история Европы двигалась и управлялась мыслию о политическом равновесии, которая состояла в том, чтобы не допускать ни одно государство быть сильнее других, хотя бы его сила была чисто внутренняя и проистекала от успехов торговли, промышленности, цивилизации, просвещения, – и, как скоро одно государство усиливалось благосостоянием и политическим здоровьем, все другие спешили ослаблять его; средством к этому бывали большею частию усиленные кровопускания – и война оканчивалась обыкновенно общим истощением и изнеможением и предмета зависти и самих завистников... Мысль теперь смешная и детская, но тогда стоившая много человеческой крови, много

человеческих слез!.. Это был момент кризиса, момент перехода от детства к возмужалости. В мысли, что государства должны ревниво смотреть одно за другим и имеют право друг друга ограничивать, — уже в самой этой мысли видно начало единства, хотя и дурно понятого. Теперь это единство понято иначе и состоит в подчинении великой идеи национальной индивидуальности еще более великой идее человечества. Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с

людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума, и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умиловленным небом! Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет ее несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотраднo оно, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем станут в будущем самою положительною действительностью.

Если под «обществами» должно разуметь избранные, то есть наиболее просвещенные, образованные и цивилизованные классы и сословия в государствах, то в лице обществ гуманное сближение давно уже совершилось. Образованный европеец теперь и вне своего отечества живет, как у себя дома, не оставляя своих привычек, не переставая быть сыном земли своей, — и везде пользуется приветом и уважением. Особы разных наций и вероисповеданий вступают в брачные союзы, не нарушая тем ни обычаев, ни законов, ни нравственных понятий своих отечеств. Между тем англичанин и во Франции останется англичанином, француз и в Германии останется французом, и наоборот, и никто из них, вполне симпатизируя чужой земле и, так сказать, чувствуя себя ее гражданином, не перестает быть сыном своей страны, не

теряет духовной физиономии своей национальности. Здесь кстати заметить, что ненавистники европеизма упрекают у нас своих соотечественников за их страсть к путешествиям, за легкость и ревность, с какими они перенимают западные обычаи (то есть обычаи людей просвещенных и образованных). Эти мнимые патриоты до того простирают невежественный фанатизм свой, что в образованной части русского общества видят чуть не ренегатов, чуть не выроdkов, в которых нет ничего русского, и выставляют им, как достойный подражания образец неиспорченной русской национальности, неопрятную и грязную чернь^{2}. «Посмотрите, – восклицают они, – француз, англичанин, немец, где бы и сколько бы ни жил вне своего отечества, везде – француз, англичанин и немец; а наши во Франции – французы, в Англии – англичане, в Германии – немцы; у себя же дома – и то, и другое, и третье, а потому ни то, ни се». Конечно, в подобном обвинении есть часть истины, но от полной истины оно далеко, как тьма от света, и в целом – это обвинение совершенно нелепо. Навсегда оторванная реформою Петра Великого от своего прошедшего, не могла же Россия, с небольшим во сто лет, вдруг вырасти и возмужать, начать жить самостоятельною и оригинальною жизнью и приобрести всемирно-историческое значение. Вместо того чтоб желать невозможного, лучше радоваться тем гигантским успехам в цивилизации, которые и без того сделала она в такое короткое время. Смеш-

^{2} «Мнимые патриоты» – славянофилы.

но подумать, что это обвинение в подражательности иноземному, под разными формами, повторяется уже лет пятьдесят с лишком. Сперва оно восстало против галломанства в обычаях и в литературе и предавало анафеме и французский язык и тех из русских, которые говорили и читали больше по-французски, чем на своем родном языке. Против Карамзина составила даже целая литературная партия, упрекавшая знаменитого преобразователя русского языка в растлении русского языка галлицизмами, хотя исполненный галлицизмов язык Карамзина в тысячу раз более естественный и живой русский язык, чем длинные латинско-немецкие периоды книжного языка Ломоносова^{3}

^{3} Против языковой реформы Карамзина выступали Шишков и члены «Беседы любителей русского слова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания